Клетка

Автор:

[Стеф Хувер](#)

Клетка

Стеф Хувер

BestThriller

В элитной частной школе начинается новый учебный год.

Но для Сэлла и Амелии школа – настоящая тюрьма за высоким забором, с комнатами, которые запираются на ночь. Из этой клетки не вырваться, не сбежать. Впрочем, одному старшекласснику это удалось: Брэд Гриффит исчез буквально за пару недель до летних каникул, и никто до сих пор не знает, где он.

А вот сестра Брэда Шейла не верит в побег и уверена: с ее братом случилось что-то страшное. И раз полиция не торопится расследовать исчезновение, она решает идти по следу в одиночку. Тем более что находит совсем свежий обрывок рисунка, который делал Брэд... Так какие же секреты скрывает благополучный фасад элитной школы?

Стеф Хувер

Клетка

Серия «BestThriller»

© Стеф Хувер, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Пролог

– Вот дрянь! – Амелия дернулась и сунула указательный палец в рот. Упавшие ножницы звякнули об пол. Привкус крови немного отрезвил девушку, и она огляделась.

Глянцевые обрезки были разбросаны по всему полу: ворох прошлогодних журналов с дырками вместо лиц, фотоальбом с пустыми изорванными страницами, у коленей – единственная уцелевшая фотография.

Амелия долго смотрела на нее. Сидела неподвижно и смотрела. Будто впитывала образ. Надеюсь, что до того, кто там изображен, долетит ее ненависть. И он именно сейчас споткнется на лестнице, или подавится за ужином, или... Но в какой-то момент буря, бушевавшая в душе, сошла на нет, выгорела, расплавилась и растеклась тонкой восковой пластиной на блюде. Губы девушки дрогнули, рука опустилась, и пальцы скользнули по гладкой поверхности фотобумаги. Лоб, нос, щеки... Хотелось вновь коснуться кожи, почувствовать дыхание... Услышать добрые слова. Получить ободрение. Даже просто – улыбку.

Но она вдруг вскрикнула:

– Дрянь! Дрянь! Дрянь! – и принялась нещадно рвать в мелкие клочки то, что еще напоминало ей о прошлом.

Глава 1

Шейла

Из головы не выходил Брэд. С того самого дня, когда позвонили из школы и сообщили, что он сбежал. Просто-взял-и-сбежал. Налегке. С водительскими правами, кредиткой и еще какой-то мелочью. Оставив почти все свои вещи, которые через несколько дней привез посыльный. В конце учебного года. За две недели до каникул.

Поверили все, включая друзей и родителей. Брэд такой, он может: почувствовал себя взрослым и сделал ноги. Но она, старшая сестра, не поверила. Потому что Брэд бы сказал! Написал бы записку! Черкнул бы сообщение в мессенджере! Да как угодно оставил бы зацепку! Шейла всегда была для него самым близким человеком. Разница между ними всего ничего – два года, и понимали они друг друга с полувзгляда-полувздоха. Поэтому не мог Брэд просто сбежать! Просто раствориться в мировом пространстве!

Да, школа брата напрягала. А кого она не напрягает? Тем более с такими порядками, как в той, куда его отправили. Но он собирался поступать в универ, у него были планы. Он делился ими с сестрой. А тут вдруг раз – и отказался от всего! Без видимых на то причин? Брэд не связывался ни с плохими компаниями, ни с наркотой – ему было тяжело запудрить мозги.

Поняв, что никто не собирается искать Брэда, потому как отчеты полиции больше напоминали дежурные отписки, Шейла взяла дело в свои руки: купила документы на новое имя, прибавив себе возраста, диплом с правом преподавания и прислала резюме директрисе. Та отозвалась довольно быстро. Задала какие-то незначительные вопросы: о семье, про мировоззрение, про возможность переезда на время учебного года. Видимо, ответы Шейлы ее устроили. И девушка рванула.

Школа располагалась вдали от крупных населенных пунктов, в живописном месте: перелески, бескрайние поля, река. На территории – огромный стадион с

основным и тренировочным полем, теннисные корты. Имелся и закрытый бассейн, рядом со спортивным залом. И конечно, учебный корпус. А еще жилой для студентов, с просторной столовой на первом этаже. Квартиры преподавателей размещались в боковом крыле административного здания, а вот остальной персонал проживал в отдельном домике поодаль от основных.

Везде выложенные камнем дорожки, декоративно подстриженные кустарники, миксбордеры, огромная оранжерея. Короче, все за ваши денежки – живите, учитесь, наслаждайтесь. Хотя нет, про «наслаждайтесь» – спорно. Шейла не заметила ни одного укромного уголка, все на виду.

Тяжело было идти по дорожкам и не думать, что здесь проходил Брэд. Что каждый камешек, каждый листик являлся невольным свидетелем чего-то такого, что могло быть связано с исчезновением брата.

Директриса – приятная молодая женщина – ничего не заподозрила. Приняла Шейлу как полагается, самолично преподнесла устав школы, рассказала о распорядке и правилах, даже показала фотоальбомы. Первый выпуск, учебные будни, лучшие из лучших... На одной из фотокарточек улыбался Брэд. Чего стоило Шейле не выдать себя! Душа рвалась и выворачивалась наизнанку! Но она сделала вид, что ужасно утомлена дорогой, получила ключи от комнаты, извинилась и любезно распрощалась.

Оказавшись на месте, Шейла первым делом убедилась, что заперла за собой дверь. Это должно войти в привычку, расслабляться нельзя. Встала напротив зеркала и долго рассматривала свое отражение. Что она хотела в нем увидеть? Подтверждение, что поступает правильно? Нет... Как раз в этом-то она меньше всего сомневалась. Может быть, знакомилась с собой «под маской»? Наверное. Гнать в шею веселую, наивную в чем-то девочку. Ее больше нет. Та девочка не общалась с контингентом, который мог состряпать липовые документы, она училась в универе и очень любила брата. Сейчас только эта любовь и осталась.

Массовый заезд учеников планировался в конце недели. Шейла рассчитывала все здесь изучить, возможно, найти подсказки, куда мог деться брат. И понять, почему не завели серьезное дело о пропаже подростка? Почему просто списали исчезновение на побег?

В этом году класс, в котором учился Брэд, выпускной. Со дня на день вернутся его одноклассники. Расселятся по своим комнатам. Но станут ли они откровенничать по поводу своего приятеля? Наверняка уже забыли его. Брэд не звезда, не лидер, он всегда был сам по себе. Был... Нет! Нет! Он и сейчас есть – она чувствовала!

Шейла не представляла, с чего начать, но знала, что даже семечко информации в итоге дает плоды. Сколько неприметных людей ходят туда-сюда по периметру огороженной территории!

Она выглянула в окно.

Вот, к примеру, садовник. О чем он молчит? Что слышал? Что видел? Что знает? Возможно, если наладить с ним контакт, получится что-то разузнать?

И Шейла поспешила выйти в сад.

Каменная дорожка, петляя и извиваясь, привела ее от заднего двора к затененной беседке, возле которой топтался мужчина – невысокого роста, субтильного телосложения, в фирменном комбинезоне с логотипом школы. Кажется, садовник подрезал кустарники и был погружен если не в работу, то в собственные мысли точно.

– Извините, – решительно начала Шейла, но вдруг замялась, опасаясь навлечь подозрения на саму себя. Поэтому как бы заинтересованно огляделась по сторонам и сказала: – Огромная территория! И все в идеальном состоянии! У вас, должно быть, совсем нет времени для передышки.

Садовник в ответ лишь бросил короткий взгляд.

– Я в школе каких-то пару часов... – продолжала Шейла. – Разрешите узнать... Кстати, не желаете? – Она протянула пачку сигарет собеседнику.

– Курить здесь запрещено, – буркнул садовник.

– Простите... А где можно? – нервно улыбнулась она.

- Где угодно, но за территорией.

- А выйти я могу... - Шейла кивком указала в конец сада.

- Нет.

- Только через главные ворота?

- Да.

Ну и бука же этот садовник!

Шейла покрутила в руках пачку, посмотрела в небо, хотела было еще что-то спросить, но передумала. Мужчину явно не радовало общение. Что ж, возможно, он и не в курсе. И вообще работает здесь только пару недель. На Шейлу нахлынуло волной осознание собственной наивности. В воображении все казалось таким простым: приехать, расспросить, найти следы Брэда, а потом и его самого. На деле же... Все не так.

Она сунула сигареты в карман и решила самостоятельно исследовать территорию. Свернула по тропинке влево и скрылась за густой листвой плодовых деревьев.

В саду одуряюще пахло яблоками. Они свисали с веток, валялись под ногами. Интересно, в меню есть шарлотка? Или яблоки, запеченные с медом и орешками? В животе приятно засвербело. Но развить мысль о кулинарных пристрастиях она не успела.

Вдалеке послышался смех и отголоски разговора. Явно мужчина и женщина - преподаватели или кто-то из обслуги. Ни с кем больше знакомиться пока не хотелось, поэтому Шейла свернула с основной тропы на боковую: не такую широкую и, похоже, не слишком популярную для прогулок. Пришлось нагибаться под свисающими ветвями, маневрировать между часто посаженными кустарниками.

Зато в конце пути Шейлу ожидал сюрприз: она вышла к калитке в заборе, который огораживал по периметру всю школьную территорию. Дернула -

заперто. Замок старый, но смазан – скважина блестит, – значит, периодически открывается. Да и тропа не прерывается, а уводит куда-то дальше, за калитку.

Шейла пошла вдоль забора – возможно, где-нибудь найдется лаз, через который ученики могли выходить за территорию? Но через полчаса, не меньше, вышла только к воротам центрального входа. Охранник сначала пристально наблюдал за ней, а потом, видимо, признал и потерял интерес – отвернулся. Конечно, она же не ученик, да и занятия еще не начались.

Однако калитка возбудила любопытство. Девушка повторила путь вдоль забора, но теперь уже с внешней стороны. Добралась до тропы, а та, в свою очередь, привела ее к реке. Довольно пологий берег, чистая вода, и течение не слишком быстрое. Захотелось даже искупаться, но Шейла не рискнула – просто сняла обувь и погрузила пальцы в мелкий прибрежный песок.

Брэду здесь наверняка нравилось. Он любил плавать. Вода – его стихия. В детстве не раз удибал, стремясь к морю, подальше от мегаполиса, высоток и скоростных жил шоссе. Вылавливали, возвращали с руганью и записями к психотерапевту. Отец кричал, обвинял мать, что это ее порода, как будто она в ответе за то, в какой семье родилась. Мать предпочитала отмолчаться.

Шейлу отец любил больше, чем сына. Девушка это знала наверняка. Она походила на его бабушку – кажется, та была родом из России. Это модно сейчас – русские корни. Но отец любил бабушку не потому, что модно. Просто любил.

Шейла села на песок. Принялась задумчиво просеивать песчинки между пальцами. Погружалась руками в глубину, зачерпывала полную горсть, следила, как та высыпается тонкой струйкой, невозвратимой, как время.

Мысли текли так же. Ни о чем. Знать бы, за что зацепиться, хоть какую-то подсказку. Копы завели дело о пропаже Брэда. Но понятно, что оно – висяк. Подумаешь, подросток сбежал – трупа же нет. По статистике, по всему миру каждый день убегает из дома несколько сотен парней и девушек: кто-то от тяжелой жизни, кто-то в поисках перемен и себя, кто-то ради прикола. Шейла чувствовала, что все это не про Брэда. Только для этого надо его очень хорошо знать. На поверхности же – натянутые отношения с отцом, сложный характер и факт общения с душеведом.

Подул ветер. Шейла прикрыла глаза, сама не зная, от чего слезы: от попавшего песка или воспоминаний о брате, о собственном бессилии. Когда проморгалась, рядом с ногой заметила клочок бумаги – обрывок тетрадного листа или блокнота. С краю виднелась уцелевшая часть рисунка, в которой можно было угадать обнаженное плечо... Впрочем, на таком клочке может показаться все что угодно.

Брэд любил рисовать...

Держа обрывок в одной руке, другой она достала телефон, открыла папку, в которой сохраняла рисунки. И похолодела. Самый последний из отправленных... Еще подумала в тот момент, что брату, должно быть, очень одиноко, раз ему в голову приходит такое.

Увеличив фото и передвинув на экране так, чтобы осталась именно та часть, сравнила с картинкой на обрывке листа...

В голове зашумело. Сердце сбилось с размеренного ритма. Один в один! Но как клочок мог сохраниться так хорошо?

Линии не размыты, бумага едва смята. Такого просто не может быть. Если, конечно, рисунок не порвали буквально сегодня.

Только кто?

Шейла вскочила на ноги и огляделась.

Глава 2

Амелия

Школа для Амелии началась с лязга двери за спиной. Показалось даже, что это захлопнулась старая жизнь, а новая встретила пустым холлом, по которому блуждало эхо. Многообещающее начало.

- Эй! Есть тут кто? - крикнула в стиле героев тупых триллеров.

Еще недавно посмеивалась над этим, а теперь делает так же. Хотя ведь за этой фразой всегда следуют неприятности, все влипают в кучи говна по самые уши, а надо лишь развернуться и бежать отсюда. Впрочем, куда бежать? Папочка уже укатил, проследив, чтобы Амелия вошла в двери, а на своих двоих далеко не утопаешь. Тем более через проходной пункт. Охрана, как в тюрьме. Там Амелия, конечно, не была, но в фильмах всегда показывают.

В сердце затикали часики. Пока еще не часовая бомба, до взрыва далеко. Можно осмотреться, и наверняка что-то придумается.

Амелия сделала несколько неуверенных шагов и едва не подпрыгнула, когда откуда-то сверху донеслось:

- Извините, сегодня мы никого не ждем. Только завтра. Глубокий, чуть хрипловатый голос принадлежал обаятельному блондину в сером костюме. Амелия даже замерла от неожиданности. Так может начаться любовный роман: героиня приезжает, а ее встречает ОН, такой весь из себя. Выходит навстречу, подхватывает багаж...

Она даже не поняла, что блондин на самом деле подхватил ее чемодан и пошел вперед, показывая дорогу. Просто двинулась следом, балдея от аромата его туалетной воды. Вот надо же!

- Меня зовут Гейл Мелларк, я преподаватель химии.

Гейл Мелларк! Как Пит и Гейл из «Голодных игр». Двое в одном лице! Круто! И преподаватель химии! Определенно, уже какая-то химия между ними есть! Ведь недаром же случилась эта встреча! С ходу. В первый день. Пока в школе никого нет. Вот бы и не было больше никого! Амелия бы развернулась на полную. Папочка бы и сделать ничего не успел. И пенять не на кого: сам привез.

Амелия хотела узнать у Гейла... то есть мистера Мелларка... будет ли урок химии на этой неделе и можно ли записаться на дополнительные занятия, но тот обернулся и, приветливо улыбнувшись, спросил:

- А вы у нас...

- Амелия, - поспешила ответить девушка. - Амелия Грин.

- Добро пожаловать, Амелия Грин. - Гейл... то есть мистер Мелларк улыбнулся и приглашающе махнул свободной рукой.

- Спасибо, - проворковала она, и в ее голове пронеслась тысяча мыслей.

Они были одни. Одни в этом полутемном коридоре. Гейл... то есть мистер Мелларк... ждал от нее всего лишь пары шагов вперед, но Амелия могла и не торопиться. Или сделать их в другом направлении...

Наваждением на Амелию нахлынули недавние воспоминания: она с Кеннетом Старом, его пальцы скользят по ее шее и взгляд такой, что просто плавит. Если бы в тот момент не зашел папочка! И чего разорался? Подумаешь, Кеннет женат, на двадцать лет старше и партнер по бизнесу - для Амелии ничего из этого списка не являлось преградой.

Как и сейчас!

Она кинула дерзкий взгляд на учителя, пытаясь разгадать его настроение, и, не уловив четкого «нет», прильнула к его груди.

Гейл вздрогнул всем телом. Но не от страха, не от отвращения. В этом Амелия была уверена точно. Она тоже так вздрогнула, когда ладонь Кеннета в первый раз нырнула ей под свитер, легла на голый живот и медленно двинулась вверх. И опять стало горячо-горячо!

Амелия запрокинула лицо, прекрасно представляя, какое должно последовать продолжение. Гейл крепко стиснул ее плечи, а потом...

А потом просто отодвинул Амелию.

Просто! Взял! И отодвинул!

Девушка не могла поверить. На глаза навернулись слезы. – Не надо так, – холодно и совершенно бесстрастно произнес мистер Мелларк. – Я понимаю, вы вдали от дома, вам неуютно и всякое такое. Но давайте следовать правилам школы. А они строго запрещают подобные отношения.

Так дело только в этом? Всего лишь в правилах? Амелия с трудом сдержала самодовольную улыбку. Но сделала вид, что смущена.

– Я первый раз... – пролепетала едва слышно. – Впервые совсем одна.

Хотела было приплести, мол, Гейл напоминает ей брата, но не стала: еще посмотрит личное дело и выяснит, что она единственный ребенок в семье.

Он кивнул понимающе. Потом постучался в первую дверь.

– Войдите!

Поток света, хлынувший из комнаты, на миг ослепил Амелию. Проморгавшись, она увидела высокую стройную женщину, стоявшую у окна. Тоже вполне себе красотку из глянцевого журнала.

– Мисс Норрис, к нам на день раньше приехала ученица, Амелия Грин. – Гейл легонько подтолкнул девушку вперед.

– Думаю, что комнаты для девочек уже готовы, можно проводить ее, пусть располагается, – приветливо улыбнулась женщина.

Она одарила девушку теплым, почти материнским взглядом. И чего они тут все такие... Правильные? Милые? Сладкие! До приторности! Даже в горле пересохло.

– Номер триста девять, – добавила мисс Норрис, подойдя к массивному, под старину столу и заглянув в открытый ноутбук.

Теперь она смотрела на Гейла, и выражение ее глаз было совсем другим. Мечтательным, манящим, обещающим всевозможные наслаждения.

Амелия иронично поджала губы и едва слышно хмыкнула. На подчиненных так не пялятся, это точно. А как же правила? На преподавов они не распространяются?

Гейл распахнул дверь, приглашая Амелию выйти, и она послушно потопала за ним следом. Потом нагнала, пристроилась рядом. Шла и рассматривала украдкой.

Все-таки он потрясающий красавчик; директрису можно понять, хоть она и старше лет на пятнадцать. Точеные черты лица, но не резкие, а достаточно мягкие, чуть женственные. Хотя в случае мистера Мелларка это не казалось недостатком. Сочетание нежности и холодности, утонченности и неприступности, да еще обалденный аромат парфюма – Амелия опять начала таять.

Она не обращала внимания, какой дорогой они идут. Да плевать! Здесь все стены обвешаны стрелками с указанием направлений: «Административный корпус», «Жилой корпус», «Учебный корпус № 1». Словно в этой гребаной школе учились одни дебилы, которые вообще не ориентировались в пространстве.

Амелия думала, что сейчас они спустятся и выйдут на улицу, но они так и продолжали идти по коридору второго этажа, а потом оказались в застекленной галерее, соединяющей корпуса. И опять солнечные лучи брызнули сквозь огромные окна, ударили прямо в глаза, и Амелия тихонько выругалась, торопливо зажмурившись. Зато неприступно молчавший все это время мистер Мелларк вдруг заговорил.

– В жилом корпусе три этажа. На третьем живут девушки, на втором юноши, на первом располагается столовая, кухня и другие помещения общего пользования.

Голос у него тоже был не менее потрясающим. Особенно эта легкая хрипотца. Даже если Гейл говорил достаточно бесстрастно или нес подобную фигню. Амелия слушала и млела, не особо вникая в смысл сказанного.

Галерея закончилась широкой площадкой, с противоположных сторон которой вниз и вверх уходили лестничные пролеты.

– Подниматься следует по левой, спускаться по правой, – многозначительно сообщил мистер Мелларк. – Направления указаны стрелками.

– А? – Амелия на миг застыла, выпучив глаза. – Вы серьезно?

– Абсолютно, – невозмутимо выдал Гейл и добавил: – Таковы правила.

Амелия едва сдержалась, чтобы не выложить ему прямо сейчас все, что думает об этой школе и ее порядках, но притормозила и... притворилась взволнованной.

– И что? Я останусь здесь одна? Даже ночью? – Она страдальчески изогнула брови, испуганно моргнула. – А если мне станет страшно, можно, я приду к вам?

Теперь Гейл застыл, занеся ногу над следующей ступенькой. Потом все-таки шагнул, обернулся.

– Комнаты персонала располагаются в административном корпусе, – заговорил опять бесстрастно, словно автоответчик в справочной службе, но потом голос его немного смягчился, зазвучал еще более притягательно. – Здесь не страшно. Не переживайте, мисс Грин.

Амелия заметила тень улыбки на его изящно очерченных губах.

Прикальвается. Прекрасно понял, что на самом деле она притворяется и ничуть не боится, поддержал ее игру, но и показал, как к ней относится. Это уже не просто игнор, это – вызов. Тем интереснее играть.

– И кстати, – добавил мистер Мелларк, – вечером, кажется, должна приехать еще одна ученица. Так что в полном одиночестве вы точно не останетесь.

– И что? – Известие Амелию несколько не порадовало. Вообще не вызвало никаких эмоций. Ее интересовало другое. – Никого из взрослых ночью здесь вообще нет?

– С завтрашнего дня на каждом этаже будет дежурный преподаватель. В одиннадцать часов он обходит комнаты и запирает их.

– В смысле запирает? – Амелия чуть не споткнулась.

– Комнаты студентов должны быть заперты с одиннадцати вечера до семи утра, – обстоятельно пояснил мистер Мелларк и добавил, скорее всего, намеренно дразня: – По правилам.

Если он еще раз произнесет это слово, Амелию точно стошнит.

– И я не смогу выйти? А если мне понадобится?

– Туалет есть в каждой комнате. Гигиенические принадлежности тоже.

И снова нотки сарказма, едва уловимые, а потому еще более раздражающие. Бесит! Неужели мистер Мелларк принимает ее за милую глупую девочку, которая только строит из себя взрослую? Ну-ну.

Теперь они шли по довольно узкому коридору, застеленному мягкой ковровой дорожкой невзрачного серого цвета, словно в ней скопился вековой слой пыли и никто так и не позаботился ее выбить. По сторонам проплывали двери, тоже невзрачные – коричневые, под дерево, – с приклеенными к ним цифрами номеров.

– Душ тоже есть в каждой комнате, – продолжал вещать красавчик-зануда. – Впрочем, вы и сами во всем разберетесь. Я надеюсь.

Ха-ха. Амелия презрительно фыркнула у него за спиной. Гейл остановился перед комнатой 309, как и говорила мисс Норрис.

– Багаж доставят через пять минут. Столовая пока закрыта, так что ужин принесут вам в комнату. В семь часов.

– Ага. Премного благодарю, – хмыкнула Амелия, не глядя на мистера Мелларка, распахнула дверь и прошла внутрь комнаты.

Та обрушилась со всех сторон сдержанно-серыми тонами. Даже солнце из окна выныривало акульими плавниками. Типовая обезличенная мебель. Ничего лишнего. Конечно, Амелия и не ждала веселеньких обоев в цветочек, эксклюзивных полочек и диванчиков, но не до такой же степени!

Ну спасибо, папочка! Элитная частная школа для золотой молодежи? Ага! Дорогушая тюрюга с идиотскими порядками и долбанутыми учителями. Амелия ему это еще припомнит.

Глава 3

Сэлл

В комфортабельном автобусе с гербом школы кроме Сэлла сидело еще человек тридцать, не меньше. Видно по лицам и повадкам – элита, «золотой доллар». Сплошные старшекласники. И большинство знакомы друг с другом. Пожалуй, только он выбивается из компании.

Сэлл психанул. Пнул собственную сумку так, что она выскочила в проход, прямо под ноги сопровождающей – жирной потной уродине в очках!

– Это что еще? – даже очки съехали на кончик носа, так заорала.

– Нога затекла, – одарил ее невинным взглядом Сэлл.

Это подействовало, как всегда. Тетка умилилась и растаяла: глаза у паренька – две чистейшие голубые лагуны! Когда-то она отдыхала с мужем в Испании... Прямо представилось, как это все промелькнуло в желе теткиных мозгов.

– Ну ничего, еще пара минут и приедем, – протянула елейным тоном, а в сторону рывкнула совсем по-другому, резко и командно: – Собираем вещи! Ничего не оставляем! Сверяемся со списками и проходим в свои комнаты. Завтра в половине девятого ждем всех в холле на инструктаж.

Сэллу хотелось курить. Но наверняка тут все только для хороших мальчиков и девочек, а он – СУ, случайный ученик, «сучок». Просто потому, что мать наконец нашла подходящего жениха с толстым кошельком.

Сэлл не сдержал усмешки. Девчонка с брекетами по правую руку от него улыбнулась в ответ – наверное, подумала, что он строит ей глазки, и расплылась, дура.

Парень подхватил свою сумку, еще раз огляделся – одни прыщавые курицы! Попытался выстроить в голове образ той, которая могла бы его зацепить, но, кроме рыжеволосой из La Roux, на ум никто не пришел. У него очень высокие требования к будущей претендентке на его сердце.

В холле вновь прибывших встречала молодая женщина лет тридцати – тридцати пяти в красном элегантном костюмчике. Маникюр в тон помады, аккуратный пробор, крошечная брошь на жабо, юбка-карандаш, туфли-классика. Директриса, кто ж еще? Идеальна, как и этот вылизанный паркет! Вот бы плюнуть под ноги, но... Сэлл сдержался. Вспомнил, как ему в лицо плюнула мать, когда он назвал ее хахалю золотым вштырем. А нечего было так громко долбиться в соседней комнате!

– Эй, придурок! Уберись с дороги! – Кто-то пихнул Сэлла в спину. Ну ясно – из той кучки, в которой каждый считает себя первосортным. Смерил брезгливым взглядом из-под длинной челки и хотел еще что-то вякнуть, но Сэлл... двинул ему под дых.

Лохматый согнулся и закашлялся.

– Ты че, урод! – прохрипел он. – Да тебя... Да ты...

– Смотри не обделайся! – хмыкнул Сэлл.

Одни кретины! А строят из себя...

Пока все толпились возле каких-то списков, он зарулил в первую попавшуюся комнату на втором этаже, швырнул сумку в угол, без интереса открыл дверцу прилегающей к кровати тумбочки и тут же небрежно захлопнул ее. Растянулся на заправленной постели, закинув руки за голову, и лежал так долгое время, рассматривая образцово ровный потолок. А когда кто-то вошел в комнату, даже не соизволил посмотреть на гостя.

– Ну и че это? – ухмыльнулся визитер. Тряхнул длинной шевелюрой и облокотился о дверной косяк: – А-а-а, я, кажется, понял. Сторожишь мою комнату, чувак? Ну спасибо! – хохотнул коротко и оскалился: – А теперь давай, вали отсюда! Драй толчки, вылизывай мусорки... или что там обычно обслуга делает?

Серьезный персонаж! С таким что-либо делить – себе дороже.

И Сэлл делить не стал.

Молча поднялся с кровати, не торопясь направился к выходу... А когда поравнялся с этим пустозвоном, считавшим себя редкостным остряком, схватил его за челку и рванул с такой силой, что визитера согнуло пополам.

– Сортир готов к использованию. Осталось только дернуть за веревочку и смыть говно! Тебе помочь? Или ты сам? – усилив хватку, отчеканил прямо в ухо, а проходивший мимо ротозяв даже остановился посреди коридора.

Патлатый попытался вырваться, но вовремя сообразил, что может остаться без скальпа. Беспорядочно молотя руками по воздуху, замычал неразборчивые ругательства.

– Вижу, что сам, – холодно заключил Сэлл и без лишних движений выставил незваного гостя за дверь.

Тот еще долго визжал в коридоре, как баба. А что ему оставалось? Только отыгаться на тощем дохлике – свидетеле унижения. Вломить ему, дать пенделя, спустить с лестницы... Ну да! Именно так поступают крутые перцы!

Сэлл расстегнул сумку. Вытащил оттуда чистое белье, мыло, клетчатое полотенце и отправился в душ. Персональный санузел в комнате был для него чем-то вроде компенсации за все то, что предстояло вынести в стенах этой чертовой школы.

Кинув взгляд на ряд пластиковых баночек одинакового цвета и размера, взял первую попавшуюся и выдавил содержимое в ладонь. Запахло морскими водорослями. И свежестью. Вода потекла по загорелой спине. Сэлл быстро намылил голову, а заодно шею, плечи, грудь, а потом подставил лицо под теплые струи, и пена узкими дорожками побежала по животу и ногам.

Глава 4

Элейн

Вы любите гостей? Я нет. Всегда кажется, что они вторгаются, вынюхивают, нарушают мое пространство. Это с детства. Ведь все наши проблемы оттуда, да? Я точно знаю это, так пишут в книгах по психоанализу и говорят на приемах у психотерапевта. Не слышали? Тогда поверьте на слово.

Особенно я не любила, когда приезжал мой кузен Шон. Мне было шесть, а ему тринадцать. Он всегда ходил с книгой под мышкой и задира л передо мной нос. Белобрысый, чистенький всезнайка.

Но я-то знала, что за мыслишки вертелись в его голове! Сразу поняла. Как только увидела, что он прячет под невзрачной обложкой. Такие картинки не для правильных мальчиков. Это плохо. Ради этого мама и папа закрывают дверь в спальню плотнее. Это взрослый секрет.

А Шон демонстративно кривился, когда в кино показывали поцелуи. Маленький говнюк!

Он поймал меня в своей комнате, когда я рассматривала его книжку, заставил спустить трусики и принялся бесстыдно разглядывать. Я плакала и стеснялась, прикрывалась, как могла. Но он поднимал мои руки и говорил, что иначе расскажет всем, что я рылась в его вещах.

На первый раз Шон отпустил меня быстро. Во-первых, позвали ужинать, во-вторых, шестилетний ребенок не возбудил его интереса – слишком уж отличался от тех моделей из книги.

Я надеялась, что больше он меня не поймает. Несколько дней держалась поближе к родителям и сестре. Если оказывалась с Шоном в одной комнате, начинала нервничать и привлекать внимание взрослых любым способом – могла опрокинуть что-нибудь или пустить слезу ни с того ни с сего. Кузен делал вид, что не понимает. Даже пару раз вежливо предложил сыграть с ним в прятки. Как же!

Я считала дни до его отъезда.

Но мне показалось правильным забрать его книгу напоследок!

Выждав момент, я пробралась в его комнату и стащила ее.

Если есть Бог, то почему он не подсказал мне, что надо просто показать книгу взрослым? Нет, я утащила ее к берегу реки и принялась рвать страницы в мелкие клочки. Дрянные, грязные картинки! С каким наслаждением я расправлялась с ними! Представляя, что это Шон, его кожа. И пускала их по ветру с обрыва.

Я так вошла в раж, что не заметила своего кузена, подкравшегося сзади...

Обнаружив пропажу, он отправился на поиски. Но не книги...

Первый удар пришелся мне в затылок, вторым ударом Шон разбил мне нос. В третий раз он безжалостно заехал ботинком мне в живот.

Спасаясь от ударов, я только и смогла, что отползти к обрыву и соскользнуть вниз. Скотившись кувыркком по траве, оказалась в реке. Вонючая вода хлынула мне в нос и в рот. Я захлебнулась. Дернулась. Нащупав склизкое дно, встала на ноги и закашлялась. Из рта вывалились длинные нити водорослей и еще какая-то мерзость.

Я плакала. А Шона уже не было.

Когда я вернулась домой, вся продрогшая и в синяках, то не дождалась никакого сочувствия. Наоборот! Меня же еще и отругали, и лишили ужина. Потому что этот гаденыш Шон принес только обложку своей ненаглядной книги, предварительно избавившись от компрометирующих страниц, и обвинил меня в том, что я уже не первый раз покушаюсь на его вещи. А теперь еще и книгу вот испортила!

Разумеется, слушать мою версию никто не стал.

Только сестра меня пожалела. Не пошла со всеми гулять, а притащила мне остатки пирога. Даже легла со мной в кровать, хотя мы с трех лет спали отдельно.

Чувствовать ее руки было здорово – они грели и обнимали. Сестра целовала меня в лоб и шептала, что все будет хорошо. Как мама.

И я верила, что будет. Когда этот противный Шон уедет. Особенно если по дороге с ним что-нибудь случится. Например, машина опрокинется в кювет или лоб в лоб столкнется с многотонным мусоровозом. Помню, я даже представляла это! Как окровавленного гаденыша извлекают из-под кучи зловонного мусора, а он раздавлен, бьется в агонии, просит полицейского передать мне последнее «прости» – идохнет.

Воспоминания захлестнули меня ядовитой волной, будто не миновало с тех пор почти три десятилетия. Я сжала кулаки до одурения – так, что ногти вонзились в ладони. Мне снова захотелось наказать его! За все! Сейчас!

Я спустилась в подвал, где некогда находилась прачечная, и прильнула к окошечку у пола. Помнится, отец сделал его, когда мы не заметили Черри и захлопнули дверь, а он едва не сдох внизу, бестолково мяукая, – не слышно же

ничего.

Шон почувствовал меня – или увидел тень? – и вжался в стену. Спрятал голову пониже, затаился.

Щенок! Ну как тебе клетка? Как раз для плохих мальчиков. Со сливом в полу, сломанной стиральной машиной и кучей тряпья вместо постели.

Сидишь? Сиди-и.

Сиди, животное! Жри из миски и продолжай испражняться в яму! А твоя извращенность в конце концов разъест твой мозг, если не станешь на путь исправления. Осталось недолго... Жаль, не перекрыть к тебе воду. Впрочем, нет. Я представила, какая вонь бы уже стояла, не умудрись ты мыться в тазике. Чистопло-о-отный...

Я стукнула по двери, наслаждаясь страхом этого паршивца. Каждый звук заставлял его дергаться. Мне нравилось представлять, как он кидается из угла в угол, роет пол, срывая ногти, ищет выход отсюда, а в глазах – испепеляющий ужас. И если бы он мог, то наверняка бежал бы от меня за тысячу километров. Но он не может. Не может!

Я поднялась наверх, заперла на ключ дверь, ведущую из полуподвального помещения в дом, и вышла на задний двор. Мне нестерпимо хотелось посмотреть поближе, что он там делает. Через кошачий лаз рассмотреть что-то чрезвычайно трудно, и я поспешила к вентиляционному окну в цоколе.

Я отперла засов на железной ставне, и в подвал сквозь решетку хлынул поток солнечного света, словно театральный софит. Он выцепил из тени моего актера одной роли.

Шон сидел в углу, на пыльном тряпье, уперевшись лбом в колени. Меня взбесило, что он не смотрит на меня.

– Тварь! Смотри! Смотри-и! – взревела я. – Теперь я не маленькая трусливая девочка! Это ты! Ты валяешься в моих ногах и просишь о пощаде!

Мразь! Слабак. Легко быть сильным, когда тебе тринадцать, а той, над которой ты издеваешься, – всего шесть...

Внезапно я зацепилась взглядом за книги, которые принесла ему на днях. Не те – грязные, гадкие, непотребные, которыми он зачитывался, – а обычные. Они лежали на перевернутой корзине для белья, приспособленной им под стол.

– Читал?

Сучонок быстро закивал. Слишком быстро. Врал...

Я бы спросила, о чем они, но сама не знала, просто выбрала на стенде интеллектуальной литературы. Не хотелось попасть впросак. Начала бы нести бред, дала ему лишний повод... для смеха. Ведь он давно не смеялся. Ровно с того момента, как я защелкнула за ним замок.

– Тебе понравилось?

– Понравилось. – Ответ прозвучал без раздумий. Эхом. Эхом моих последних слов.

Я улыбнулась. Мне показалось, что он делает это специально, чтобы угодить.

– И какие выводы ты сделал?

– Выводы? Да вы... – Его невысказанные слова будто ударили по мне.

Сучонок дернулся, схватился за предплечье и, закусив губу, осторожно поерзал, усаживаясь поудобнее.

Сломал? Черт бы его побрал!

А вслух спросила:

– Болит?

- Нет.

И снова врет!

- Тогда отвечай! Ведь слышал вопрос: какие выводы ты сделал из прочитанного?

Мне надо быть последовательной, если я хочу чего-то добиться. Вода и камень точит.

- Телефон, - шепнул гаденыш.

Что? Я не поняла, о чем он. Думала, издевается. Пока не расслышала трели из своего кармана. Пришлось отложить нашу беседу. А жаль. Не люблю смешивать две стороны своего существования.

Заперла ставни на засов, отошла от стены дома, свернула к парадному входу и только потом поднесла телефон к уху.

- Ты где? - тревожно, с участием прозвучал голос Ло. - Все в порядке?

- Я дома. Конечно, в порядке. А как еще может быть?

- Ты долго не брала, я подумала...

- Не надо думать о плохом. Все хорошо. - Я улыбнулась и прикрыла глаза в благодарность за ее заботу.

У меня самая лучшая сестра.

Она не святоша и не ангел.

Но я убью за нее. Кого угодно! Убью... Будь то Бог или дьявол!

И она. Убьет. За меня. Тоже.

Я знаю...

Глава 5

Амелия

После завтрака заявила Бриджет. Распахнула дверь, даже не подумав постучать, – теперь-то Амелия слышала определенно. Точнее, определенно не слышала. Но высказывать претензий не стала. Да ей по фиг, даже если кто-то припрется, когда она будет стоять посреди комнаты абсолютно голой или упоенно ковырять в носу. Пусть лучше пришедший смущается, а от нее – не дождетесь!

– Скоро остальные должны приехать. Хочешь глянуть?

– На что? – Амелия скучающе зевнула.

Не интересовало ее стадо малолетних мажорчиков.

– Да ладно тебе! – воодушевленно воскликнула Бриджет. – Отрывай от кровати свою задницу, и идем. Встречаемся в коридоре через минут десять.

Она умчалась, не дождавшись от Амелии согласия. А потом точно так же не дождалась, когда та выйдет в коридор.

Дверь опять широко распахнулась.

Долбаная школа. Сейчас она представлялась Амелии смесью из темных безлюдных коридоров, внезапно бьющих в глаза солнечных лучей, занудного красавчика мистера Мелларка («Гейла Мелларка», – закатив глаза, мысленно

повторила Амелия с нарочито томными и тягучими интонациями), с раздражающей регулярностью твердящего слово «правила», и неумолкающей болтовни Бриджет.

Она и оказалась той самой ученицей, про которую говорил Гейл.

Вчера Амелия упустила момент, когда та приехала. От нечего делать завалилась на кровать и не заметила, как заснула.

Разбудило ее щелканье дверной ручки и громкий возглас: – О! Точно! Здесь и правда уже кто-то есть.

Амелия с трудом разлепила веки. Ни эмоции, ни чувства еще не проснулись, поэтому она лишь равнодушно развернулась в сторону незваного гостя, уставилась осоловелыми глазами.

В дверном проеме стояла незнакомая девица с медно-рыжими волосами и самодовольно улыбалась.

– Привет! Я – Бриджет, – с ходу выложила она. – Учусь в выпускном классе. А ты какой год?

– Третий, – выдавила Амелия, усаживаясь на кровати.

– Новенькая? – тут же подкинула новый вопрос Бриджет. – Раньше я тебя не видела.

Подошла, с размаха плюхнулась рядом. Так, что матрас спружинил, и Амелия слегка подпрыгнула.

И какого ж она... тут делает? А не пойти ли ей лучше... в свою комнату?

Амелия мрачно глянула на соседку, но послать передумала. Лучше подробнее расспросить ее о местной жизни, раз она сама навязалась. Может, тогда и способ нарисует, как из этой задницы выбраться.

Бриджет, конечно, не могла не заметить неприязни, но отнеслась к ней снисходительно, коротко рассмеялась. Еще и по-дружески приобняла Амелию за плечи.

- Да ладно тебе. Не дуйся. В одиночку слишком скучно. Насчет «скучно» Амелия была абсолютно согласна. Хотя нет. Здесь даже не скучно – тухло. И неважно, в одиночку или толпой. Все равно полный тухляк. Да еще эти тупые правила.

- Тут реально двери на ночь запирают? – поинтересовалась она.

- Ага, – кивнула Бриджет с прежним воодушевленным выражением на лице. И чему она все время радуется?

- А комнаты-то зачем? Закрывали бы только коридор.

- Так всем спокойнее. – Бриджет усмехнулась, а Амелия озадачилась еще сильнее.

- Кому «всем»?

- Директрисе, преподам, – принялась перечислять Бриджет, – родителям. Поэтому не пытайся жаловаться мамочке с папочкой. Бесплезняк. Они уже в курсе. Это все в соглашении прописано. Тут еще и шмоны периодически устраивают, на предмет выпивки и дури. И не возразишь. Потому что согласие от родителей есть. Их такое очень даже устраивает. Сюда же обычно тех отправляют, кто дома глаза намозолил.

О последнем Амелия уже давно и сама догадалась. Папочка отправил ее сюда после того, как застукал с Кеннетом. Обломал в самый неподходящий момент. А уж как орал. Брызгал слюной во все стороны, сыпал проклятьями. Лицо побагровело, глазенки едва не повыскакивали.

Зато теперь он, наверное, спокоен, наслаждается. От жены давно избавился, а теперь еще и от дочери. Но Амелия не даст ему расслабиться. Перебьется.

А Бриджет, если она здесь уже не первый год и настолько осведомленная, наверняка сможет и про преподав порассказать.

- А тебя сюда тоже Гейл провожал?

- Гейл? - изумленно переспросила Бриджет. - Кто такой Гейл?

- Ну, мистер Мелларк, - пояснила Амелия. - Он же химию преподает.

- Не, - замотала головой Бриджет. - По крайней мере, в прошлом году химию у нас вела мисс Розенберг. А теперь, значит, мистер Мелларк? - Она многозначительно хмыкнула. - Давай рассказывай, какой он? Старый, лысый и толстый? Был бы подходящей парочкой для миссис Пафф.

Что еще за миссис Пафф? Амелия понятия о ней не имела. А вот Гейл...

- Наоборот. Молодой. Вряд ли старше двадцати пяти. И потрясающий красавчик. Такой... немного андрогинного типа.

- О! - выдохнула Бриджет, выгнула брови и округлила глаза. - И ты на него сразу запала?

- Ну-у... - неопределенно протянула Амелия.

Пусть Бриджет думает что хочет. Ни оправдываться перед ней, ни посвящать ее в собственные планы Амелия не собиралась. Запала так запала. Ей по фиг.

- Завтра посмотрю на твоего Гейла. - Бриджет подскочила с кровати. - На общем инструктаже обычно все преподаватели присутствуют. А ты, если что, заходи. Я в триста пятнадцатом.

Она смылась так же неожиданно, как появилась.

Здесь не только учителя, здесь, похоже, и студенты все долбанутые. Хотя с Бриджет еще терпимо. Выпускной курс, обо всем знает, своя в доску. Сгодится. А в остальном - ну полная хрень!

Глава 6

Амелия

Денек выдался – зашибись. Особенно с учетом, что завершился он визитом миссис Пафф.

Та приперлась без пяти одиннадцать, вломилась без стука, выдала недовольное и многозначительное:

– Та-ак!

Выглядела она мерзко. Жирная бесформенная глыба, на которую натянули серый трикотажный чехол, смутно напоминавший платье. Волосы, выкрашенные в какой-то темный цвет с малиновым отливом, куцыми завитками лежащие на массивных плечах, как на подставках, ровная челочка по брови. Пухлые щеки сдавливали крупный мясистый нос, подбородков – штуки три, не меньше. Жуть. Пеннивайз со своей истинной сущностью нервно покуривает в сторонке.

От нее еще и по?том несло за версту.

Амелия не выдержала, поморщилась, прикрыла тыльной стороной ладони нос. Миссис Пафф не смутилась, не обиделась. Кажется, ей и в голову не пришло связать этот жест с собственной персоной.

Цепким, внимательным взглядом она просканировала пространство комнаты и вроде бы даже принюхалась. Потом подошла к шкафу, открыла дверцу.

Еще бы в клозет заглянула.

И чего она там собиралась найти? Или, скорее, кого. Уж не мистера ли Мелларка? Хотя...

Амелия задумалась. Если сейчас здесь шныряет эта жирная уродина, то, скорее всего, на девичьем этаже дежурят преподаватели-женщины. А это означает, что Гейла никак не удастся заманить в свою комнату, и придется придумывать что-то другое. Но это можно сделать и потом.

- А вы реально меня запрете? - поинтересовалась Амелия у миссис Пафф.

Толстуха, тяжело катившаяся к выходу, остановилась, развернулась к девушке и ехидно уточнила:

- Тебя что-то смущает?

- А если пожар?

Миссис Пафф ткнула указательным пальцем вверх.

- Тогда сработает сигнализация.

- А если мне плохо станет? - не унималась Амелия.

- С чего бы? - Миссис Пафф пронзила ее прицельным взглядом, словно пришпилила к кровати.

- У меня здоровье слабое.

Толстуха поджала губы, помолчала несколько секунд, а потом снисходительно выдала:

- За спинкой кровати есть кнопка экстренного вызова. На случай всяких таких недомоганий.

Амелия запустила руку за невысокий деревянный борт, нашарила маленький пластиковый прямоугольник с круглой выемкой посередине и уже собиралась на

нее надавить, как миссис Пафф, будто почувствовав, проговорила размеренно и четко:

- Но если воспользуешься ею без надобности, только ради озорства - будешь наказана.

- Как наказана? - ошарашенно выдохнула Амелия, но миссис Пафф, видимо, посчитала ее вопрос риторическим. Не проронив больше ни слова и демонстративно щелкнув по пути выключателем, все-таки выкатилась из комнаты. Зато едкий запах пота остался.

Амелия помахала ладонью перед носом, разгоняя воздух, и направилась к окну, чтобы его приоткрыть. Но тут в дверном замке звякнул ключ.

Реально! В замке звякнул ключ! Амелии не слышалось.

Она постояла немного, дожидаясь, когда смолкнут тяжелые шаги в коридоре, и подскочила к двери. Надавила на ручку, дернула - заперто!

Вот дерьмо!

Ее на самом деле заперли! А она до последней секунды надеялась, что это просто розыгрыш, страшилка, придуманная специально для новичков.

Какого хрена? Да что это за школа такая?

Папаша - скотина! Избавился, да? Сослал дочь в комфортабельную тюрьму. Сволочь!

Амелия бросилась к окну, подняла раму, высунулась наружу. Не то чтобы уж очень высоко, но одними синяками точно не отделаешься, если прыгнуть. И все равно никуда не денешься. Больница - тоже не вариант. Еще хуже даже.

Папочка всех убедит, что Амелия пыталась покончить с собой, и вообще отправит ее в психушку. Или типа в пансионат, как в случае с мамой.

Ну уж нет! Такой возможности Амелия ему не предоставит.

И ведь делать нечего. Абсолютно нечего!

Девушка рухнула на кровать. И спать совсем не хотелось, она же столько продряхла днем. Уставилась бездумно в стену.

Темнота не слишком густая. На территории много фонарей, их желтый электрический свет затекает в окна, легко проникает даже сквозь тонкие шторы, и его вполне хватает, чтобы разглядеть окружающие предметы. Можно бродить по комнате, не включая лампы.

Вот шкаф – громила миссис Пафф. Вот торшер – вполне себе Бриджет. Рабочее место – это у нас мистер Мелларк собственной персоной. А кровать...

В замке опять заскрежетал ключ. Точнее, не заскрежетал, а как-то странно зашуршал. Амелия даже испугалась в первый момент, приподнялась на локте. Кто это может быть? Неужели преподы и ночью по комнатам бродят, проверяя, все ли на месте? И сейчас снова завалится миссис Пафф со своим убийственным амбре.

Или вдруг это Гейл? Она же обещала заявиться к нему, если ей будет страшно одной. Он ждал не дождался и явился сам. Забил на тупые правила и пришел спасти Амелию из заточения. Ну или хотя бы сделать его не столь унылым.

Дверь приоткрылась.

– Ты спишь?

Бриджет.

Амелия даже подскочила.

– У тебя есть ключ?!

– Не совсем ключ. – Соседка подошла и помахала у Амелии перед носом странной металлической загогулиной. – Но если приноровиться, с помощью этой штуки можно отпереть здесь почти любую дверь. – Бриджет уселась рядом, не

переставая болтать. – Это подарок от прошлого выпуска. Не для всех, конечно. Но... – Она улыбнулась. – Закончу школу, тоже кому-нибудь передам.

– С такими порядками сдохнешь раньше, чем закончишь. Или свихнешься... А зачем они нас запирают?

– Раньше только коридоры запирали. Но после того как Брэд сбежал, стали и комнаты. Перестраховываются.

– Брэд?

– Ага. Был такой в нашем классе в прошлом году. Вполне так парень. Но и ничего особенного. Держался отдельно и, кажется... рисовал.

– А как он сбежал?

– Откуда я знаю? А ты что, тоже хочешь?

Амелия сбежала бы, да только куда?

Девушки еще долго болтали, но в какой-то момент Амелия начала клевать носом. Бриджит дождалась, пока она задремлет, хохотнув, пихнула легонько:

– Держи! – и поводила перед лицом девушки отмычкой. – Это тебе. Хоть ты еще и не в выпускном.

– А как же ты? – Амелия посмотрела недоуменно спросонья.

– У меня еще есть, – беззаботно заявила Бриджет. Не дожидаясь, когда Амелия возьмет отмычку, положила ее на кровать и сразу посерьезнела. – Только смотри, попадешься – ты ничего не знаешь. Сама придумала, сама привезла, сама за все получаешь.

– Поняла, – кивнула Амелия.

Она не полная идиотка, чтобы подставляться, имея в своем распоряжении столь ценный подарок. А Бриджет уже шагала к двери, сообщая на ходу:

– Сейчас я тебя запру. А потом потренируешься. И часто не пользуйся, а то замок сломается.

Амелия засунула отмычку под подушку. Утром как следует перепрячет. И ни вставать не стала, ни раздеваться, перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Но почти сразу же пришлось их открыть. По крайней мере Амелии так показалось.

Ровно в семь, сотрясая пол и стены, притопала миссис Пафф, отперла дверь, предупредила, что в восемь принесут завтрак.

И какого ж тогда разбудила раньше на целый час?

Вот и получилось, что Амелия почти не спала. Поэтому сейчас без конца зевала. Зато Бриджет – хоть бы что. Скакала впереди, как пони, будто сладко подрыхла всю ночь. Еще и подгоняла:

– Ну чего ты там еле тащишься?

– А куда торопиться? – Амелия пожала плечами.

Через галерею они прошли в административный корпус, но спускаться не стали, наоборот, поднялись выше и оказались в широком коридоре, наполненном гулкой тишиной. Похоже, Бриджет тут был знаком каждый закуток и закоулок.

– Сюда, – сообщила она и неожиданно свернула.

Стена коридора здесь резко обрывалась, образуя глубокую нишу, заставленную раскидистыми растениями в кадках, с большим окном и балконной дверью.

Когда девушки выбрались наружу, площадь перед административным корпусом была запружена машинами, а у подъехавшего автобуса как раз открылась дверь. Из нее по очереди появлялись пассажиры, через ровный интервал времени, один, другой, третий. Словно автобус страдал отрыжкой, вот и вылетала из него

всякая разномастная гадость.

– Мистер Мелларк – это вон тот блондинчик? – Бриджет ткнула пальцем вниз. В такой толпе не разберешь, на кого она точно указывала, но направление совпадало, и Амелия кивнула. – Не в моем вкусе, – тут же добавила Бриджет. – Я люблю, чтобы высокий, широкоплечий. И чтоб щетина. А он – мальчик-одуванчик. Хотя, конечно, красавчик. Не буду спорить. А вот это, похоже, тоже новая училка. – Она указала в другую сторону.

– Где? – Амелия разглядывала выползающую из автобуса пеструю вереницу вновь прибывших.

– Да вон же! – Бриджет опять ткнула пальцем в толпу. – В костюмчике кораллового цвета.

– А я думала, она ученица.

– Не! Раз в костюмчике, значит, точно препод. – Бриджет ухмыльнулась, протянула насмешливо: – Молоденькая. Парни возможности не упустят.

Наконец автобус опустел, толпа растеклась по площадке перед входом в здание. Амелия задумчиво следила за Гейлом. В отличие от остальных, он не слишком суетился, стоял чуть в стороне, скорее всего, и сам с любопытством разглядывал приехавших. Как и новая училка в коралловом. Та и вовсе отодвинулась подальше. То ли побаивалась, то ли оттуда ей было удобней наблюдать.

– Эй! – завопила Бриджет во весь голос, перегнувшись через перила, широко замахала рукой. – Привет лузерам!

И все, кто стоял внизу, одновременно задрали вверх головы. Словно дрессированные собачки по команде.

Глава 7

Сэлл

Так это, оказывается, не школа, а лепрозорий! Здесь прокаженных на ночь запирают. Запирают, Карл! Вот куда он попал... Куда его сплвила собственная мать на деньги вштыря.

Поэтому утром, когда замок двери снова щелкнул, Сэлл, не разлепляя глаз, протянул равнодушно:

– Не стоит утруждать себя лишними телодвижениями! Можете всунуть ключ обратно в эту гребаную дырку, а через пару недель убедиться, что из вашей столовой несет не меньше, чем от моего разлагающегося тела. – Он подмял подушку кулаком и перевернулся на другой бок.

– Мне показалось или где-то щенок затыкал? – прогремело над ухом. – Подъем! В восемь завтрак, в половине девятого на инструктаж. Явка обязательна! Повторяю, для особо одаренных: о-бя-за-тель-на!

Неужто сам надзиратель этой тюрьмы пожаловал?

Ну да, ага! Сэлл прямо-таки испугался и побежал на этот их дебильный инструктаж!

Но донимать его не стали. Просто поставили перед фактом и убрались восвояси. Типа все строго, все по правилам... Но на деле – чхать!

И все было бы прекрасно, если бы ровно в двадцать пять минут девятого в комнату не постучали. Слабо так, умирающе. Сэлл завернулся с головой в одеяло, решив наплевать на все порядки, но стук повторился. Все такой же еле слышный. И поэтому еще более противный, раздражающий, от которого не удалось бы спастись даже в бункере. Как японская пытка каплями воды по темечку. Долбаная акустика!

- Ну? - Сэлл приподнял голову.

Что за настойчивая мышь там скребется?

Но с той стороны не отреагировали.

- Ну? Кто там? - повторил он, еще больше раздражаясь. А потом встал с кровати и сам дернул за ручку двери.

- Ой, - пискнула мышь, разомкнув брекетты, и впилась взглядом в парня. Ниже пояса. Покраснела. Чем весьма развеселила парня.

- Трусы как трусы! - хмыкнул Сэлл и нахмурился. - Чего тебе?

- Там это... - замямлила Зубатка. - Всех собрали на инструктаж... Ну и... в общем...

- Так иди!

- А ты?

- А я к тебе в телохранители не нанимался!

- В смысле? - захлопала глазами девчонка.

- В смысле? - передразнил ее Сэлл, но без злобы добавил: - Двигай булками, а то без тебя начнут.

- Я думала...

- Слушай, не испытывай мое терпение!

- Хорошо, - покорно пролепетала она и без лишних слов пустилась прочь по коридору.

Ну и народец! Сэлл даже улыбнулся и мотнул головой.

А через час под дверью обнаружил записку – расписание занятий на сегодня. Понятно, чьих рук дело! Ухмыльнулся. Ну что ж, на послеобеденное занятие ради интереса можно и сходить. Но для начала найти бы место, где можно спокойно покурить. Кругом эти долбаные противопожарки!

Сэлл накинул рубаху поверх футболки и без особого энтузиазма поплелся по коридору к выходу. Сад не завянет, если он покурит где-нибудь в его зарослях. Вообще он бы не парясь затянулся прямо на пороге, но там амбалы из охраны – набегут как тараканы. Сэлл их не боялся, однако, если в этих стенах на ночь запирают, где гарантия, что после такого в карцер не закроют? А без сигарет он там сдохнет! Сто раз пытался бросить, но где там? Он вдыхал табачный дым еще с молоком матери! Та пыхла как паровоз все эти годы. А пассивное курение похлеще любой наркоты.

У лестничного пролета столкнулся с тем лохматым ушлепком, который хотел поставить Сэлла на место в день приезда, в холле. Думал, и сейчас тот снова что-нибудь крякнет в его сторону, но пустобрех сделал вид, что кроме него на лестнице никого. Вот и замечательно!

Внутри свербело. Уже не терпелось сделать хотя бы две-три затяжки. Сэлл даже подумал, что, обогнув здание школы, пристроится где-нибудь под окнами – к чему бежать далеко? Но когда он оказался на заднем дворе, все прошлые мысли и желания тупо рухнули. Сэлл даже присвистнул – ни черта себе! При огромном желании здесь можно было тренировать мировых чемпионов по всем видам спорта!

Захотелось тут же рвануть к турнику и сделать пару подходов. Но его окликнули:

– Эй! Ты чего здесь вынюхиваешь?

– Я? – Сэлл даже опешил на мгновение. Тем более что ему не сразу удалось найти взглядом того, кто с ним разговаривает.

– Ты, ты! Не я же! – в чужом хрипловатом голосе слышалось веселье, и Сэлл наконец-то увидел мужчину-афроамериканца в рабочем комбинезоне, который

вразвалку выходил из зарослей кустарника. Садовник.

Парень расслабился:

- Нюхать - не в кайф, - хмыкнул он и смело взглянул в глаза собеседнику.

- А что же в кайф?

Сэлл кивнул в сторону площадки.

- А я думал, ты курнуть пришел, - сипло расхохотался садовник, и его толстые губы оголили щербину меж зубов.

- И это тоже, - не скрывая, подтвердил Сэлл.

- Нет, парень. Тут либо одно, либо другое! Иначе кишка завернется.

- Три подхода по десять. Спорим?

- Три по десять? - Афроамериканец снова рассмеялся, бросив в траву перчатки и секатор. - Пять по пятнадцать!

- Пять по пятнадцать? - недоверчиво переспросил Сэлл и покачал головой: - Я не Майкл Экерт[1 - Майкл Экерт - американец, мировой рекордсмен (50 подтягиваний за 1 минуту). Сержант корпуса морской пехоты США, а также персональный фитнес-тренер. - Здесь и далее примеч. автора.].

- Я тоже не сержант морской пехоты! Но кое-где плавал. Садовник шустро прошел по тропинке до теннисного корта, обогнул его и встал под перекладиной.

- Считай! - скомандовал он.

И Сэлл, не веря своим глазам, отсчитал ровно столько, сколько сказал этот с виду щупленький мужичок уже преклонного возраста.

– Так что завязывай ты с этой дрянью, парень, – подмигнул садовник, подхватил перчатки и секатор и как ни в чем не бывало возвратился к своим обязанностям.

И Сэлл не рискнул сделать ни одного подхода. Впрочем... и курить он тоже не стал.

На химии Сэлл привык скучать. Но это в старой школе, где все приходилось осваивать буквально на пальцах: ни лаборатории, ни реагентов – отстрелялся по формулам и свободен, можно пялиться в окно. Здесь же на каждом столе стояли штативы с колбочками, какие-то порошочки, жидкости, куски непонятного вещества. Разумеется, кто-то отпустил шуточку, что это подпольная кухня дури, остальные его поддержали, дебилы. Принялись гоготать, красуясь перед телками. Те тоже в долгу не оставались. Даже Зубатка. Кстати, идиотка устроилась рядом, через проход от Сэлла.

А потом зашел учитель. Сказал что-то, но в этом шуме его слова просто растворились. Тогда он взял и жажнул учебниками по столу. Тупое позерство. Однако эффективное: «Заглохли, полоумки!» И все замолчали. И оглохли разом.

– Я Гейл Мелларк, ваш учитель химии. И любить меня совсем не обязательно.

Ха! Много чести!

Холеный блондинчик. И голос такой... будто спаржей подавился. Говорит, а сам за ухом пальцем водит, невидимую прядь убирает. Или щетину пробует, не отросла ли. Типичный мэтр!

Сэлл мысленно натянул на учителя парик: длинные волнистые пряди заструились вдоль лица. Заржал вслух, но, поймав ледяной взгляд учителя, отчего-то напрягся. Уткнулся в тетрадь и стал черкать абстракцию на полях.

Элейн

Сегодня отправила иллюстрации в издательство. Если они опять откажут, обвиняя меня в излишней пасторальности, вообще прекращу с ними всяческие отношения. С тех пор как там поменялся художественный редактор, работать стало невозможно! Как многое зависит от одного человека, занявшего не свое место! Прежнего редактора устраивала и моя манера письма, и сюжеты. Жаль, что она ушла. А новая обвиняет меня в том, что я зациклена на ежиках, кошечках и зайчиках, говорит, современных детей это не интересует.

Да? А она вообще в курсе, что именно может заинтересовать ребенка?

Помнится, одного знакомого мне мальчика привлекали отнюдь не милые зверята, и он плохо кончил... Хотя о чем это я? У него еще есть шанс. Я даю ему этот шанс! Надеюсь, когда-нибудь Шон все поймет и оценит. Я увожу паршивца с тропы порока назад, на исходную. Ведь когда он родился, плохого в нем было не больше чем во мне или Ло.

Перебирала на днях бумаги и нашла старую фотографию. Мне восемь. Я стою, нахмуренная, руки стиснуты в кулаки, ступни повернуты в сторону, словно собираюсь бежать. Неужели никому не пришло в голову, что виной тому не мой «скверный» характер, а тот, кто фотографировал? Слепые, глухие, черствые взрослые! Почему они не заметили, почему проигнорировали, когда было еще не поздно? Почему вместо того, чтобы раз и навсегда покончить со всем этим, мать оставила фото на память?

Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Конечно! Красавчик Шон наконец-то увлекся чем-то серьезным! Привез с собой дорогущую профессиональную камеру и много времени проводил, снимая окрестности. А я, дура, расслабилась! Почти перестала его бояться. Поверила, что он повзрослел и изменился.

Пару недель он действительно не обращал на меня никакого внимания. На Ло, впрочем, тоже. Его заинтересовали наши соседки – две девицы с уже оформившимися телами, на год-два старше его. Они с Шоном быстро спелись и стали весело проводить время – катались на тачке папаши, которую брали без спроса, едва смеркалось.

Но мое счастье было обманчиво. Стоило только расслабиться, как оно превратилось в зыбучие пески, которые, как известно, губительны.

Вдоволь наигравшись Шоном, соседки переключились на парней постарше, которые на все лето сняли коттедж неподалеку. Мой кузен не тот человек, который зализывает раны в одиночестве. Он опять заметил меня.

– Ты хочешь стать знаменитой? Ты хочешь, чтобы на тебя смотрели и узнавали? – шептал Шон, наводя на меня свою камеру.

Я чувствовала себя беззащитной ланью, на которую наставил ствол ружья охотник.

– Смотри, нет ничего страшного, – увещевал мой мучитель. – Просто замри в той позе, в которой я скажу.

Шону нравился мой страх, моя скованность и стеснение. Его камера представляла все совсем в ином свете. Разумеется, он показывал только те снимки, которые было можно показывать. Бо?льшую их часть он прятал от глаз посторонних, наверняка под какую-нибудь невинную обложку.

– Ты станешь такой же знаменитой, как Алиса Лидделл, – говорил кузен и даже подарил мне книгу Льюиса Кэрролла.

Я порвала ее тем же вечером. Не читая. Просто потому, что от Шона ничего хорошего ждать не приходилось.

Разумеется, меня опять выставили полной идиоткой. Папа кричал, что ему стыдно за мой поступок. Во-первых, я покусилась на книгу, во-вторых, нарушила правила приличия: с подарками кузена так не поступают!

Меня наказали, обязав склеить, а потом выучить наизусть всю «Алису». До того момента, пока я этого не сделаю, мне запретили общаться с кем-либо и заперли. Это было ужасно! Прикасаться к вещи, которую трогал Шон, мне казалось омерзительным. Хотя находиться под замком, вдали от кузена с его фотоаппаратом и гадкими фантазиями – почти награда.

Я решила дождаться момента, пока он уедет, а потом уже придумать, как быть. Мне оставалось вытерпеть пару недель. К разочарованию родителей привыкать не приходилось. Подумаешь! Да и Ло меня поддерживала. Даже разбила копилку, едва проводили кузена. Сбегала в книжную лавку, купила еще одну «Алису», передала ее мне в окно и вызвалась склеить книгу Шона.

Моя сестра – ангел!

Та «Алиса» и сейчас у меня на полке. Ее я берегу, хотя до сих пор помню наизусть. А для этого мерзавца, живущего сейчас в моем подвале, я приобрела особенный экземпляр – в современном оформлении, яркий, карманного формата, чтобы пролез в окошко для Черри. В моих глазах он здорово уступал тому, старенькому изданию.

Просунула под дверь:

– Вот! Выучишь наизусть.

– Хорошо, – прошелестел Шон. – В детстве мне нравился Льюис Кэрролл.

Врун, лжец! Строит из себя святую невинность! Посмотришь и даже не подумаешь, что он мог вытворять такие гадости.

– Я рисовал иллюстрации: Белого Кролика, Алису, Чеширского Кота, Герцогиню, – принялся перечислять он, словно надеясь, что я забуду обо всем, обо всех своих унижениях.

Но эти слова напомнили мне про другие рисунки. Я нашла их в первый день, когда вырубил Шона шокером, чтобы спустить в подвал. Несколько страничек в блокноте, карандашные наброски.

Вьюнок, обвивающий тонкую лозу. Такой хрупкий, нежный. Как я не увидела тайного смысла? Вьюнок – убийца. Он душит в своих объятиях. Он смертоносен для неокрепшего стебля.

Или птица с перебитым крылом. В ее глазах застыла боль... Надо домыслить. Боль, потому что смотрит она в глаза охотника! А тот еще и упивается своей жестокостью, делая последний набросок.

Или третий. С ангелом!

С плеча сполз оборванный хитон, крылья обломаны, взгляд затравленный, полный безнадеги. Ангел прячется. Выглядывает из укрытия в надежде, что его не заметят. Я будто увидела в этом ангеле свою душу. Показалось, впервые Шон сделал нечто на самом деле имеющее отношение ко мне, а не только к его похоти.

Не в силах выбросить их из головы, я выскочила из подвала.

Где они? Где эти картинки? Зря я оставила их у себя! Пожалела... Слишком уж хороши. Обманчиво просты. Безыскусны.

Разорвать в мелкие клочки! Швырнуть с обрыва! И пусть вода унесет любое напоминание... Потому что нет в Шоне невинности! В каждой его зарисовке скрыта жестокость и испорченная суть. Он извращает все, к чему может прикоснуться. Патологически!

Я побежала к реке, к нашему с Ло месту. Там особенно сильное течение. Если бы это было возможно – бросить вместе с бумажками все воспоминания, чтобы они не травмировали мне жизнь! Или смыть с Шона всю грязь! Но грязь с души не смоешь...

Шейла

Неделя без учеников тянулась бесконечно, а с учениками пролетела, как смерч, оставив за собой не меньше разрушений. Шейла просто не верила, что на ее уроках присутствуют девушки и парни из так называемой элиты. Они хамили, огрызались, как свора одичавших псов. Еще и строили из себя невесть кого! Будто не богатенькие родители вложили немалые деньги в их обучение, а они сами.

Понятно, почему по уставу предписаны такие жесткие требования – чтобы «сливки общества» не разнесли в пух и прах школу, не перетрахаили все, что движется, не поубивали друг друга и учителей заодно.

Шейла не помнила, чтобы в юности она была такой же. А ведь между ней и учениками крошечная разница в возрасте! Правда, училась девушка в самой обычной школе. И слава богу! А вот с Брэдом отец решил выделиться... В конце концов, единственный сын.

Брат не хотел ехать сюда. Придумывал причины и оправдания. Даже подговорил девчонку из средней школы, чтобы та брякнула про беременность от него. И на что только надеялся? Их легенда просуществовала ровно два дня. Пока отец бесцеремонно не притащил бедняжку в клинику. А там... Даже анализы делать не пришлось – девчонка сама во всем созналась. Под таким-то напором!

А если исчезновение Брэда – тоже спланированная мистификация? Но тогда почему по прошествии двух месяцев он ни разу не связался с Шейлой? Перестал доверять сестре? Не может быть.

В кармане пиджака лежал обрывок, найденный в песке. Послание. Сигнал. Или призыв о помощи? В минуты отчаяния, когда девушке уже казалось, что все затеяно зря, что нет ни малейшей зацепки для того, чтобы разыскать брата, Шейла прикасалась к клочку бумаги – становилось легче.

Говорят, в то же время уволилась мисс Розенберг – предыдущий учитель химии. Девушка видела ее фото в альбоме. Миленькая. Молодая. Возможна ли романтическая подоплека?

Зацепившись за эту идею, Шейла даже порылась в архивах и нашла номер мобильного этой Розенберг. Представила себе разговор: «Здравствуйте!» – «Здравствуйте!» – «Вы работали там-то?» – «Работала». – «И мой брат сейчас с вами?» Бред, конечно. В мысленных диалогах Шейла сильна не была. Да и номер сначала оказался недоступен, потом занят... И так несколько раз. Что это? Знак, что не стоит соваться? Интересно, копы проверяли эту гипотезу с учительницей? Или доблестной полиции проще, когда «сам удрал»?

Но Шейла все же дозвонилась на следующий день. В очередной раз набрала номер, и вдруг пошли гудки.

– Ал-ло-о! – протяжный бархатный голос.

– Мисс Розенберг?

– Да, – удивилась, кажется.

– А могу я услышать Брэда?

– Да.

И тишина.

Сердце Шейлы забилося в отчаянном припадке.

Она едва могла дышать. Сейчас она услышит голос брата! Мгновение! Секунда! Выдох-вдох... И вдруг комок. Густой, тяжелый, вставший поперек горла.

И что? Что ему сказать? Девушка понятия не имела, как ко всему этому относиться. Наорать? Но сейчас он счастлив и может на нее обидеться. Ему море по колено. Ему не до сестры, не до семьи, даже до целого мира дела нет. А она сама... разве она его для этого искала, чтобы снова потерять из-за неосторожного слова?

Но и радоваться Шейла сейчас не могла. Ведь Брэд поступил как...

– Я вас слушаю. – Мужской голос оборвал все размышления.

Низкий. Хорошо поставленный. Чужой...

Чужой! Как же глупо было на что-то надеяться. Глупо! Даже слезы на глаза навернулись. Шейла моргнула, быстро прервала соединение, отбросила мобильник и буквально рухнула на кровать, только сейчас сообразив, что до сих пор стояла, вытянувшись в струнку.

Но бездействовать нет времени. Надо двигаться дальше!

Шейла порылась в местной библиотеке в надежде наткнуться на что-нибудь странное. Тщетно. Тихое место. Семьи, проживающие здесь не один десяток лет. Старинные родовые поместья. Небольшие коттеджи для сдачи в аренду. И маленький полицейский участок. Ни таинственных происшествий, ни гонений на ведьм, ни просто уголовных дел!

Последнее громкое событие случилось двадцать лет назад: в состоянии алкогольного опьянения в реке утонул некий молодой человек. Никаких криминальных мотивов. Несчастный случай. Соболезнования и прочее-прочее-прочее.

Может быть, Шейла упустила что-то? Нечто скрытое между строк?

Она вышла в сад. Раскаленный прелый воздух лишь сильнее затуманил голову. Мелькали тени. Роилась мошкара. Наверное, у реки прохладнее. Хорошо, что она преподаватель и имеет право выходить за ворота.

Но до реки Шейла не дошла. Чуть в стороне – там, где тропинка уводила резко влево, – из зарослей кустарника послышалась возня. И голоса. Парня и девушки.

– Ну? Какого черта ты ломаешься?

– Не надо.

– На себя посмотри, тебе в радость должно быть.

– Нет... Пожалуйста! Не надо...

Рваные реплики Шейле не понравились.

Она остановилась. Напряглась. Еще сильнее прислушалась. Подсознательно тянула время: а вдруг все обойдется? Вдруг ей показалось, примерещилось, послышалось? Но как бы ни хотелось остаться в стороне, ситуация требовала вмешательства.

И на ее счастье, вмешался кто-то третий.

– Отвали от нее! – услышала она уверенный голос. А потом сквозь листву разглядела фигуру парня. Вырос внезапно, как из-под земли!

– Ха! Вот, оказывается, чья ты салатница!

И следом недвусмысленный шум потасовки, девчачьи вскрикивания...

Несколько секунд спустя мимо Шейлы, словно лось, пронесся парень: расширенные зрачки, перекошенный рот, порванная рубашка, – теперь он мало походил на холеного красавчика.

Осторожно выглянув из-за кустов, Шейла увидела и других действующих лиц разыгравшейся пьесы и удивилась, что этот грубиян, который хамит ей на уроках, может за кого-то заступиться. Тем более за такую довольно невзрачную девушку с брекетами.

Глава 10

Сэлл

Если до тебя доколебалась страхолюдина, парень, – ты влип по уши! Лучше сразу беги. Никакие слова не помогут! А вот если наоборот... Если вдруг ты сам решил бросить якорь в ее сторону – причем именно якорь, и только! – дело пахнет жареным. Нет, конечно, можно попытаться разглядеть ее внутренний мир, но это только в теории. К реалиям жизни раскопки недр души не имеют никакого отношения. Может быть, позже, когда мускулы в штанах перестанут играть на тамтаме и атрофируются, а пока... Пока, по мнению Сэлла, это ясно и точно походит на нездоровую психику. Такому палочнику хоть скользкую селедку, хоть дохлую кошку, хоть стул – главное, вставить.

Нет, по большому счету Сэлли все равно. Он не врач – пилюльку не посоветует. Но если пациент сам отчаянно напрашивается на консультацию, то прописать кое-что другое все же может.

Вот и прописал.

А после по привычке захотелось покурить. Отойдя чуть в сторону, Сэлл присел на корточки возле забора, затянулся, выпустил колечки дыма и вдруг вспомнил про садовника... Бросил сигарету, втоптал ее в землю, сплюнул под ноги. Нет, не потому, что слова афроамериканца на него повлияли. Сэлл выискивал его взглядом – где он сейчас? – неудержимо хотелось поговорить. Просто потрепаться ни о чем. Каждому человеку это необходимо.

Окольными путями Сэлл вышел к тому месту, где в прошлый раз встретил садовника. Постриженные кусты громоздились в ряд зелеными статуями. Все четко, гладко, без единого изъяна. Перфекционист с секатором.

Да, здесь мастеру уже делать нечего! Надо искать его в другом месте.

Недалеко от сада располагалась оранжерея – застекленная беседка, увитая изнутри лианами. Сэлл видел такие только в кино и всегда представлял, что когда-нибудь и он будет пить красный чай за маленьким круглым столом под ветвями гибискуса, наблюдая за бранным миром из-под прозрачного купола. Там и дышится легко, и спится хорошо, и чай неповторимый. Но самое главное –

никто тебя не трогает.

И вот под таким стеклянным колпаком сидел садовник – перебирал пустые торфяные горшочки, складывал один в другой и отставлял в сторону. «Вполне себе счастливый человек», – подумал Сэлл и мягко ухмыльнулся. Было в нем что-то такое, что вызывало симпатию или даже... уважение.

То ли афроамериканец давно его заметил, но не подавал вида, то ли почувствовал чей-то сосредоточенный взгляд на себе... Но когда он разогнулся и поднял голову, встретился с Сэллом глазами. И даже вроде улыбнулся – сверкнул щербинкой. И махнул рукой – небрежно, но доброжелательно.

Правда, разговаривать ему было некогда. Садовник пересек оранжерею и принялся ворочать ящики с растениями.

Сэлл ответил приветственным жестом, которого афроамериканец уже не увидел, и поспешил к корпусу.

А Зубатка, видимо, все приняла на свой счет: улыбалась Сэллу, поблескивая железом, всю пару, а потом на лабораторной по химии к нему хотела подсесть. Ха! Еще одно подтверждение тому, что теория Сэлла насчет страхолюдин работает.

Но кое-кто ее опередил...

В другой раз Сэлл послал бы обеих к чертям – он и один с реактивами справился бы. Но если выбирать из двух зол, логично, что каждый выберет наименьшее. Химия, она и в сугубо деловых отношениях – химия. Все знают, что железо рано или поздно покроется ржавчиной. А он не цинк и не олово, чтобы защищать его от коррозии. Да и само словосочетание «белая жесь» его ужасно бесило!

В общем, на химии его случайной соседкой по парте оказалась Амелия.

Глава 11

Амелия

Амелия внимательно изучила листок с расписанием занятий. Химия уже сегодня, но она на нее не пойдет. У нее свои планы. Не столько на химию, сколько на мистера Мелларка. И они подождут.

Хорошо, хоть во время занятий учителя не шастают по жилому корпусу, не проверяют, не отлынивает ли кто. Впрочем, может, и шастают, только не постоянно. Выскакивают неожиданно, чтобы поймать нарушителя. С них станется.

Но пока на этаже царил привычная гулкая тишина. Самое время проверить подаренную Бриджет отмычку, научиться ею пользоваться: отпирать и запирать.

Амелия еще несколько секунд вслушивалась в тишину за дверью, потом выглянула в коридор. Пусто.

Для начала неплохо бы потренироваться на каком-то стороннем замке. Если сломается свой, все окажется уж слишком очевидным. А подставляться сразу в планы Амелии никак не входило. Как и подставлять других.

Она прошла в конец коридора. Там точно должна быть еще одна дверь, за которой обычно скрывалась вовсе не комната. Да, все верно: табличка «Выход»! Хотя наверняка дверь отпиралась только в экстренном случае. Если, к примеру, пожар. Недаром же рядом с ней висел очередной план этажа, расчерченный жирными красными стрелками, указывающими направление эвакуации.

Амелия оглянулась, постояла немного, в который раз прислушиваясь. Тихо, как на кладбище. Вытянула из кармана отмычку, присела, осторожно просунула загогулину в замочную скважину, хихикнула в ответ на собственные пошловатые мысли.

Плохо, что приходится орудовать спиной к длинному коридору, даже краем глаза ничего не уловишь, только если оглядываться. А об этом не вспоминается. Если бы сразу все получилось – другое дело, а тут, как и предупреждала Бриджет, требовалось приноровиться, передвигая отмычку в скважине чуть поближе или, наоборот, чуть подальше, стараясь не жать слишком сильно.

По спине пробежали мурашки. От осознания, что в любой момент могут застучать. Не получалось одновременно и прислушиваться, и возиться с замком. Организм выдал еще порцию эндорфинов, усиливая волнение и ощущение азарта.

Амелия облизала губы. Она любила подобное состояние. Когда сосало под ложечкой, когда в груди что-то царапалось и тревожно сжималось. И прекрасно понимала людей, которые чисто из любопытства и желания острых ощущений лезли туда, куда по здравым соображениям лезть не следовало ни в коем случае. Она сама была из таких.

Потому и замутила с Кеннетом, хотя без труда могла подцепить кого-нибудь из своих ровесников: одноклассников или богатеньких сыночков папашиных знакомых. Но это было бы слишком просто и скучно. Кеннет – совсем другое дело. Он намного старше, он женат, и никто не должен был узнать об их отношениях.

Ощущение запретности и неправильности происходящего пьянило куда больше всех прочих чувств. Амелия даже не могла сказать точно, что испытывала к Кеннету.

Ну, он ей, конечно, нравился, но о любви, скорее всего, и речи не шло. Да еще мысли о том, как взбесился бы папочка, узнав о романе с его деловым партнером, подливали масла в огонь отношений.

Вот и сейчас, когда Амелия возилась с отмычкой, рискуя быть пойманной в любой момент, ощущения возникали похожие, хоть и не столь сильные.

Она перевела дыхание, замерла на миг, оглянулась, а потом опять наклонилась к замку, и он, как нарочно дожидался, щелкнул, отмычка легко провернулась. Амелия надавила на ручку, и дверь распахнулась.

Разумеется, там была лестница, никакой тайной комнаты. Но пролеты не только уходили вниз: один поднимался и заканчивался еще одной дверью. Наверняка запертой и наверняка ведущей на чердак. И, почти тоже наверняка, этим чердаком пользовались как местом тайных свиданий. Где еще встречаться влюбленным в этом монастыре? Если шаг вправо, шаг влево строго регламентированы. Вряд ли тут прямо все блюдут невинность и целибат.

Ладно, по лестнице Амелия пока не полезет. Как-нибудь в другой раз. А теперь надо попробовать запереть и отпереть собственную комнату. Главное выяснено: отмычка действительно работает. Урок пропущен не зря. Вдвойне не зря. Но второй выгодой Амелия воспользуется чуть позже.

После обеденного перерыва она нарочно болталась возле кабинета химии, прохаживалась туда-сюда, пока не попала на глаза мистеру Мелларку. Он отреагировал так, как и предполагалось.

– Мисс Грин, можно вас на несколько слов?

Такой прям официальный и невозмутимый.

Им пришлось зайти в кабинет химии, потому что по коридору уже валила шумная толпа, заглушая все звуки непрерывной болтовней. То есть опять все шло по плану.

Гейл подошел к учительской кафедре, подальше от дверей, потому что гул из коридора легко проникал в класс, развернулся к Амелии. Та остановилась чересчур близко, но отступить не стала, да и мистер Мелларк не думал отодвигаться.

– Мисс Грин, почему вас не было на уроке?

– На уроке? – Амелия хлопнула ресницами, изобразив искреннее недоумение. – На химии? А разве у меня в расписании есть химия? Ой! Правда? – Она типа совсем растерялась и принялась теребить пуговицу на блузке, самую верхнюю из застегнутых.

– Есть, – подтвердил мистер Мелларк. – Пожалуйста, впредь будьте внимательней и больше не пропускайте уроки. Ни у меня, ни у других преподавателей.

– Конечно, – воодушевленно подтвердила Амелия и кивнула, по-прежнему не оставляя в покое пуговицу. – Извините. Я просто не заметила. Но больше такое не повторится. Я обязательно буду ходить на все уроки. На химию особенно.

Пуговка выскользнула из петли, а потом и следующая, и еще одна. Края блузки разошлись в стороны.

– Что вы делаете, мисс Грин?

– Здесь слишком жарко, – пробормотала Амелия. – Особенно рядом с вами. – Подалась вперед, но наткнулась на взгляд. Он был такой... такой... какой она никак не ожидала увидеть.

Абсолютно безучастный. Мистер Мелларк невозмутимо взирал на ее грудь и не испытывал никаких чувств. По крайней мере, не те, на которые Амелия рассчитывала.

Любой другой сразу пустил бы слюни. Мало того что у нее там и без дополнительных ухищрений все на высшем уровне, она сегодня еще и пуш-ап надела.

И что? Все зря? Мистер Мелларк взирал на нее с таким выражением на лице, будто рассматривал манекен в витрине магазина.

Да что за хрень! Еще никто не относился к Амелии с таким безразличием. Ну ладно, не повелся, но мог бы возмутиться, заставить застегнуться, пригрозить. Ну хоть как-то отреагировать! Только не стоять со скучающим видом!

Амелия прищурилась, уставилась прямо в глаза мистеру Мелларку.

– А-а, понимаю. Вас больше мальчики интересуют.

Гейл молчал. Просто молчал и выглядел по-прежнему невозмутимым. И это выводило Амелию из себя.

– А директор в курсе ваших предпочтений? А попечительский совет? – Она ухмыльнулась, смерила мистера Мелларка с головы до ног презрительным насмешливым взглядом. – У нас, конечно, толерантность и все такое. Но не думаю, что все эти богатенькие папашки и мамашки спокойно отнесутся к присутствию в школе учителя-педика.

– Вы можете идти, – не повышая голоса, произнес мистер Мелларк.

– Ну да, конечно! – воскликнула Амелия, кипя от негодования, направилась к дверям и вывалилась в коридор прямо в расстегнутой блузке. – Че вылупился? – проорала в лицо остолбеневшему при виде ее парню. – Слюни подбери, недоумок! – Еще бы и врезала, если бы тот торопливо не отшатнулся в сторону.

На следующую химию она явилась как ни в чем не бывало. Вошла в кабинет, беззаботно улыбаясь, огляделась. Почти все места были уже заняты. Но ей без разницы, с кем и где сидеть. Потому она и выбрала ближайший свободный стул.

На соседнем сидел парень. Амелия первый раз его видела. Раньше – то ли не попадался, то ли она просто не обращала внимания.

Волосы короткие, темные, а глазки синие. Но вот кроме глазок – ничего особенного. Разве что выражение на физиономии не слишком приветливое. Но ей по фиг.

Амелия плюхнулась на сиденье, еще и произнесла:

– Привет!

Парень не ответил, только глянул чуть исподлобья. Кто бы другой, с более нежной душевной организацией, после подобного взгляда, может, и подскочил бы, и убежал подальше. Столько в нем было «ласки и теплоты». Но только не Амелия. Она еще и спросила:

– У тебя как с химией?

Глава 12

Сэлл

С химией у Сэлла было все более или менее.

Нет, возможно, кто-то бы возразил и даже поспорил насчет того, что этот дичок рубит в химии получше любого среднестатистического студента их школы, но Сэлл так не считал. Он знал свои слабые места, видел, к чему надо стремиться, и был уверен, что, если поднажать с учебой, перед ним откроется многообещающий портал. И уж тогда-то он своего не упустит – обязательно свяжет свою будущую профессию именно с этой наукой.

Ага, размечтался!

Реальность рисовала иные перспективы.

Сэлл демонстративно отвернулся от навязавшейся соседки. Отвечать на дежурные вопросы он не обязан. К тому же еще со времен начальной школы учили не заниматься пустой болтологией на занятиях. Или в этой голове со смазливой мордашкой не задерживалась никакая информация?

Парень фыркнул в кулак.

Мелларк покосился на Сэлла.

Острое, жгучее чувство заставляло тушеваться, пригибаться пониже к столу. Что-то было во взгляде Гейла Мелларка такое, что смущало парня. Смущало на

уровне подсознания. Сбежать, спрятаться, скрыться. Но прятки Сэлл презирал. К тому же всегда задавался целью во что бы то ни стало и при любых обстоятельствах бороться с самим собой. Бороться – значит изучать себя, свою сущность и психологию. Докапываться до истины. Побеждать. И Сэлл впился ответным взглядом в учителя.

Теперь, похоже, смутился Мелларк:

– Вам что-нибудь непонятно?

Учитель вскинул подбородок и сделал вид, что совершенно спокоен. Но смотрел он не в глаза ученику, а на его переносицу.

Хороший ход. Такую игру Сэлл с удовольствием принял.

– Все непонятно, – отчеканил он и выжидающе замер, продолжая испепелять взглядом холеное лицо учителя.

Скулы слегка тронул румянец, бровь нервно дернулась. Теперь Мелларк должен был шагнуть через две ступени, чтобы не упасть в грязь. В глазах Сэлла, естественно. Это сам Сэлл мысленно дал ему такую установку и мечтал, чтобы противник не сдался, ведь так интереснее. Проверял его на прочность и зачем-то желал себе проигрыша. Ради справедливости.

– Повторяю, – ровным тоном заговорил Мелларк, – цель сегодняшней лабораторной работы – определить плотность жидкостей...

Плотность жидкостей! Ха! А он, кажется, и сам не уверен, что мы сегодня измеряем! Рука-то задрожала... Или совсем не поэтому «невозмутимый» учитель вцепился в планшет так, что пальцы побелели?

Рукав пиджака уехал вверх, оголив запястье... совсем хрупкое, тонкое, с остро выпирающей костяшкой...

Сэлл попытался поймать взгляд Мелларка – не удалось.

– Каких? – хмыкнул он и откинулся на спинку стула.

- Всех, - неубедительно отрезал учитель. Быстро отвернулся и прошагал к окну.

Сэлл даже улыбнулся, утвердившись в собственных догадках.

- Я вам и без лабораторной про плотность каждой расскажу. - Он брезгливо отодвинул защитные очки и вытянул ноги в проход.

Кто-то загоготал.

- Наденьте очки! - неестественно строго вскрикнул Мелларк.

После чего все студенты уставились на Сэлла, а Амелия даже забубнила ему что-то вполголоса. Но Сэлл никого не слышал и не видел: он не сводил глаз с Мелларка.

- Только после вас! - ухмыльнулся. - Надо уступать... э-эм... старшим!

Глава 13

Элейн

Мне девять. В кухне источает ароматы индейка. Нэнни всегда маринует ее в особых специях и не выдает секрета никому, даже маме, даже в качестве рождественского подарка. Можно часами исходить слюной в ожидании угощения. Но оно того стоит.

Мы с Ло стащили печенье и довольные, как тюлени, дурачимся у себя в комнате.

Папа что-то пишет в кабинете.

Мама укладывает спать Патрика – братишке что-то опять нездоровится, и он капризничает.

А в гостиной раскинула пушистые лапы огромная ель. Мы наряжали ее полдня и вволю нахохотались. Родителям даже пришлось несколько раз повторить, что смех до плача доводит. Но не понимаю, почему бы не хохотать, если все хорошо.

Звонит телефон...

Если бы можно было вернуть прошлое, я бы перерезала телефонный провод или разбила этот проклятый аппарат. Но в тот момент мне весело.

– Отлично! Приезжайте! – громко говорит папа.

И пословицы про смех и слезы снова мимо ушей, потому что Ло начала меня щекотать, чтобы отобрать последнюю печенюшку.

– Нэнни, как у нас с продуктами?

Папа еще что-то спрашивает на кухне, но я улавливаю лишь обрывки фраз. И не делаю выводов.

Это все прошлое. Давнее прошлое. Как говорит мой психоаналитик, надо отпустить и забыть. Но я не могу. Я прокручиваю в голове заезженную пленку воспоминаний и хочу выцепить те моменты, когда еще можно было все исправить. Вот, например, сейчас. Не хохотать, а сбежать. Прочь. Куда угодно. Возможно, в Сибирь. Или на Аляску. Оставив нераскрытыми рождественские подарки. Я же не пятилетняя дурочка, как Патрик, я уже не верю в Санта-Клауса. Значит, в этих шуршащих обертках нет ничего волшебного. Они не спасут. Не помогут. Не заставят взрослых прислушаться к моим словам!

– Девочки! – Папа заглядывает к нам. Его глаза блестят, одна бровь приподнята – это всегда сигнал предвкушения. – Звонила бабушка. Они с Отто решили провести Рождество у нас.

Мы с Ло хлопаем в ладоши. Хотя, признаться, бабушку и Отто – четвертого бабушкиного мужа – мы почти не знаем, так как видим раз в год. Но она всегда привозит отличные подарки. Можно будет похвастаться перед девочками в школе.

Однако папа подозрительно улыбается:

– Но это еще не все!

В романах всегда пишется о предчувствии. О том, что у главного героя леденеют руки или он ощущает присутствие рока за спиной.

Я не почувствовала ничего. Мне было весело.

– Тетя Джейн и дядя Альберт тоже приезжают. Разумеется с Шоном.

Когда машина едет на скорости, сразу не затормозишь. Даже полностью выжав газ! На асфальте останутся следы расплавленных покрышек.

Мой смех повис в комнате стальными канатами. На каждом из них болталась дохлая птица: ожидания праздника, счастья, предвкушения...

Ло взяла меня за руку. Но я почувствовала это, только когда пальцам стало больно. Папа к тому времени уже вышел, приказав нам расправлять постели и готовиться ко сну.

– Если он к тебе подойдет, мы расскажем родителям! – твердо пообещала сестра.

Я кивнула...

Почему мне не пришло в голову разбить копилку, выгрести оттуда все деньги и пойти к Салли О'Майли? Поговаривали, что у него можно купить все: оружие, яд, наркотики. И моральные принципы его не волновали. Его бы не смутило, что к нему пришла маленькая девочка. А с Шоном наверняка можно было справиться с помощью оружия, яда, наркотиков.

Если бы я пригрозила ему пушкой? Или посыпала кусок пудинга мышьяком? Или просто подбросила в карман пакетик дури и пожаловалась взрослым?

У. Меня. Бы. Все. Получилось.

Но я кивнула Ло, мы расправили постели, приняли душ и легли спать.

Наутро у меня разболелись горло и живот. Поднялась температура. Тело покрылось мелкой зудящей сыпью. Мама разрывалась между мной и гостями. Сестра – между мной и Патриком, которого на нее повесили. Нэнни – между мной и кухней. Папа – между Отто и дядей Альбертом. Патрик – между елкой, гостями и печеньем. Им приходилось нелегко.

А я надеялась, что Шону будет по фиг, где я. Он будет важно расхаживать среди взрослых, пожимать им руки и даже не сунется в нашу с Ло комнату. Может, у меня что-то заразное. Корь. Ветрянка. Сыпной тиф. Чума. Хотя сейчас она неактуальна. Желудочный грипп – самое то. Кузен ведь не захочет все каникулы проваляться больным?

Но моя надежда разбилась вечером этого же дня. Когда все спустились в гостиную, я услышала шаги возле своей двери. Не Ло. Не Патрик. Не родители. Гость. Тот, которого бы я хотела видеть разве что лежащим в гробу.

– Привет. – Шон заглянул в комнату, оставаясь за порогом.

Я мысленно взмолилась, чтобы он там и оставался. Покашляла вместо приветствия.

– Мне сказали, что ты болеешь. Бедная моя маленькая девочка, – сладко запел он.

Не твоя! Не твоя! Не твоя...

– Представляю, как тебе грустно: ни угощений, ни подарков, ни игр.

Я бы могла поспорить. Все самые лакомые кусочки мне уже принесла Нэнни, бабушка подарила мне плеер, стопку книг и набор юного художника, а с Ло мы

играли буквально полчаса назад.

Шон шагнул через порог. Я съежилась под одеялом и закашляла еще громче.

– Я пожалею тебя, малышка. Кому-то же надо это сделать. – Его голос лился, как сахарный сироп. – Мы поиграем в доктора.

– Шо-он! – От страха я даже не поняла, кто именно кричит из гостиной.

Кузен дернулся обратно в коридор, поспешно бросил мне, что скоро придет.

И вернулся, будь он проклят! Вернулся!

– Испугалась? Что оставлю тебя? Моя маленькая девочка.

Шон пробежался пальцами по моим ногам, все выше и выше.

Я вцепилась в край одеяла и натянула его до носа. Зря. Это движение привлекло Шона. Он дернул одеяло в свою сторону. И разумеется, оказался сильнее.

– Какая миленькая пижамка. Она к лицу моей малышке. Сейчас мы расстегнем кофточку и пощупаем животик. Быстро-быстро. Ведь доктора уже зовут.

От его ледяных рук я мгновенно покрылась мурашками. Хотела закричать, но из горла вырвался только рваный хрип.

– Славная девочка, – ухмыльнулся Шон. – Очень славная.

Где был в тот момент Бог? Отвернулся к какой-то другой девочке?

Мне стало больно от воспоминаний, впрочем, как всегда. Я подошла к окошку в цоколе, аккуратно отворила ставни, дотронулась до решетки и мгновенно отдернула руку, словно меня ударило током.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Майкл Экерт – американец, мировой рекордсмен (50 подтягиваний за 1 минуту).
Сержант корпуса морской пехоты США, а также персональный фитнес-тренер. –
Здесь и далее примеч. автора.

Купить: https://tellnovel.com/ru/huver_stef/kletka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)